

© М.А. БУРЯКОВ

mchlb@mail.ru

УДК 81'373.4

**ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ТРЕХ СУБЪЕКТНЫХ ФУНКЦИЙ
— ЛИЦА, АГЕНСА И БЕНЕФИЦИАРА — В ДИАХРОНИИ**

**LINGUISTIC REFLECTION OF THE THREE SUBJECTIVE FUNCTIONS
— PERSON, AGENT, AND BENEFICIARY — IN DIACHRONY**

АННОТАЦИЯ. В статье делается попытка теоретического обоснования факта существования в диахронии логико-семантических категорий лица, агенса и бенефициара, извлеченных из соответствующих аффективных, эмоциональных «суждений» и «суждения чувства», на основе анализа основных типов предикативных синтагм. Совместное применение сравнительно-исторического и когнитивного методов исследования дает возможность рассматривать интонацию в качестве такой предикативной синтагмы, в которой субъектом выступает категория «лица», опознаваемая в известной оппозиции «лицо»/«не-лицо». Это позволяет предположить на определенном этапе развития языка не только отсутствие «не-лица», т.е. понятия объекта, по причине «взаимобратимости» (Э. Бенвенист): «т.к. тот, которого я называю «ты», мыслит сам себя в термине «я», — но и тем самым лингвистически объяснить принцип сочетаемости языков активной типологии, обусловленный господством интонационной предикативности. С развитием чувства и ослаблением интонации происходит подмена «действия» дейксисом и «расщепление» интонационного субъекта на агенса (*nomina agentis*) и объект (предикативные образования на *-е как отражение позиции бенефициара). Образование индоевропейского медиа, *verbum abstractum* и дательного субъекта рассматриваются как ступени адекватного отображения бенефициара (говорящего субъекта). Речь идет не только о приобретении агенсом способности бенефициара присоединять разнообразные признаки, кроме «признака действия» (состояния, процесса, свойства, качества и т.д.), но и бенефициаром — свойства агенса («оттенка воли»), отражающего психическую активность при внешнем «не-действии».

SUMMARY. This article attempts to provide theoretical evidence of diachrony in the logical and semantic category of person, agent, and beneficiary, derived from the corresponding affective, emotional “judgments” and the “judgment of feeling”, based on analysis of the primary types of predicative syntagms. The use of the comparative historical and cognitive research methods enables us to examine intonation as a predicative syntagm in which the person category of person, found in the “person/non-person” opposition, acts as a subject. This suggests not only the absence of the

*“non-person” at a given stage of the linguistic development, i.e., of the concept of the object, due to “interconvertibility” (E. Benveniste), “since the one whom I call ‘you’ thinks of himself using the term ‘I’ – but thereby also to give a linguistic explanation of the principle of the co-occurrence of active-typology languages, resulting from the predominance of intonational predicativity. The growth of feeling and weakening of intonation result in substitution of the deixis for the “action” and the “splitting” of the intonational subject into the agent (nomina agentis) and the object (predicative forms ending in *-e as a reflection of the position of the beneficiary). The formation of the Indo-European medium, the verbum abstractum, and the dative subject are viewed as stages of proper reflection of the beneficiary (of the speaker). This refers not only to acquisition by the agent of the beneficiary’s ability to take on various attributes besides the “action attribute” (state, process, quality, quality, etc.), but also by the beneficiary of the agent’s quality (“shades of will”), reflecting psychic activity despite external “non-action”.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Интонационное сказуемое (предикат), «лицо» (интонационное), «не-лицо» (объект), агент (создающий «признак действия»), бенефициар (обладающий субъект), дейксис (выражение интенции говорящего).

KEY WORDS. Intonational predicate, “person” (intonational), “non-person” (object), agent (creating an “action attribute”), beneficiary (possessing the subject), deixis (expression of the speaker’s intention).

Поскольку «язык не соотносится непосредственно с физическим миром, а остается только формой проявления мышления (а не мира)» [1; 16], представление психической деятельности в терминах логических отношений субъекта и предиката [2; 108] позволяет обнаружить не только преемственность субъектов, но и определить конкретные языковые формы их выражения, их языковую значимость.

Известно, что в языке выделяют три основных типа сказуемых: собственно глагольные, в сочетании со «связкой» ‘быть’ именные формы и прочие, оформляющиеся той или иной интонацией. Принципиальная «однословность» глагольного сказуемого обуславливается выражением в его грамматическом значении личного деятеля, который «подчинен категории лица» [3; 360]. «В глаголе и только в глаголе, — подчеркивал А.М. Пешковский, — мы имеем то сцепление воли с представлением, которое рождает мысль» [4; 169]. Таким образом, особенностью семантики глагольного слова в функции сказуемого является то, что субъект представляется как личный деятель, **агент**, выражающийся «оттенком воли» (А.М. Пешковский), который «наслаивается» на «признак действия» [4; 79].

В аналитической форме именного сказуемого «оттенок воли» отделяется от «признака действия» (который передается именной частью) и наслаивается на отвлеченное понятие «принадлежности к действительности, существование» [5; 204], выражаемому глаголом ‘быть’. В древнерусском языке этот глагол имел личные формы, напоминавшие о свежей связи с агентом. Однако с утерей в современном языке личных окончаний глагол ‘быть’ все больше превращается в логическую связку, служащую «лишь для присвоения предмету того или иного свойства или состояния» [3; 321]. Таким образом, в именном сказуемом субъектом предикативных отношений становится **обладающий** субъект, имеющий независимое бытие и свободно присоединяющий любой признак, состояние

или свойство. По этой функции для отличия от агенса глагольного сказуемого его можно назвать **бенефициаром***.

Под интонационной предикативностью следует понимать не случаи «фразного» ударения и модальных оттенков, когда интонация выступает наряду с грамматическими формами (например, именительный падеж или инфинитив), а является **единственным** средством предикации. Речь идет о тех «пограничных» предложениях, которые выражают чувства. Для этого интонационно оформляются так называемые «бесформенные» слова: собственно междометия и «оформленные», т.е. перешедшие в разряд междометий номинативные слова, а также слова, обозначающие различные волеизлияния и побуждения, в том числе формы повелительного наклонения. Ибо «вне интонации, — подчеркивает В.В. Виноградов, — повелительного наклонения не существует. Эта особенность сближает формы повелительного наклонения с междометиями» [3; 464]. Таким образом, категория наклонения вместе с категорией лица в **конкретной речевой ситуации** может находить отражение не в оформленной языковой единице, а лишь в интонации. В таком случае лицо и наклонение можно считать грамматическим значением интонации, а «оттенок воли», который был отмечен А.М. Пешковским в глаголе и перешел позднее в «связку», — ее семантическим значением. Отличие между ними состоит лишь в том, что основа глагола выражает «признак действия» (объектное представление, или понятие), *verbum abstractum* — ‘принадлежность к бытию’, а интонация — речевую ситуацию, реакцию, «диалог», в котором «оттенок воли» говорящего наслаивается не на «признак действия» говорящего, а на само противоположащее «лицо». Это становится очевидным, когда мы сравниваем интонационно оформленное побуждение (например, рус. *спи!* означает, собственно, ‘я делаю тебя спящим’, или ‘я делаю так, что **ты** спишь’) с омонимичным объектным употреблением (*Спи, кто может, я спать не могу* — собств. ‘кто может — тот спит’; *Ах! тот скажи любви конец, Кто на три года вдаль уедет* — собств. ‘тот скажет’ [3; 466]. Сфера интонации — это сфера действия двух лиц, в широком смысле сфера «диалога», в котором **отсутствует объект** (пациенс), ибо действие переходит на другое лицо (фациенс), оказывающееся «двойником» говорящего лица. Таким образом, категорию лица в интонационном предикате следует понимать как сосуществование, «симбиоз» 1-2 лица, выступающего в функции субъекта в конкретной речевой ситуации. Гетерогенный характер категории индоевропейского лица и оппозиция «не-лицу», отмеченная Э. Бенвенистом [5; 264], объясняется, таким образом, господством на определенном этапе развития языка такого предложения, которое оформлялось только интонационно. Этой причиной можно объяснить, что «первое выражение субъекта действителя, — справедливо пишет М.М. Гухман, — произошло в отношении 1-го и 2-го лица» [6; 141-142]. Отсутствие в речи объектной «сообщительной» (А.М. Пешковский)

* Возникший гораздо позднее псевдопереходный глагол ‘иметь’ представляет «медиальный» вариант глагола ‘быть’, поскольку «не указывает на объект, — подчеркивает Э. Бенвенист, — всегда только на субъект». В силу этого он принимает участие (наряду с ‘быть’) в создании аналитических форм активного перфекта, подчеркивающего принадлежность результата действия субъекту, ср. лат. *scripsī* «я написал» > *habeō scriptum* «я написал», букв. «имею написанным» [5; 214, 221].

интонации (т.е. общения в форме сказа) означает отсутствие в речи на определенном этапе развития языка «не-лица», а значит, категории объекта.

Интонационная предикативность помогает понять основные законы активной грамматики, и прежде всего — активный характер сочетаемости предикативной синтагмы, основывающийся якобы на экстралингвистическом принципе наличия у денотата «жизненной активности» [7; 6-7] и сводящий язык к простому слепку с реальной действительности. С позиции интонационной предикативности активная сочетаемость обусловлена «безобъектным» характером интонационного лица.

Образованию в сознании объекта и его последующему отражению в языке предшествует возникновение чувства, «эмоциональной константы» [8; 267], т.е. устойчивого эмоционального отношения, приводящего к дистанцированию говорящего и «двойника», т.к. именно в общении с последним говорящий приобретает эмоциональный опыт, формирующий его будущие приоритеты. Возникновение «эмоционального отношения» обнаруживается в замещении «действия» и связанной с ним интонации **дейксисом**, констатирующим дистанцию с «двойником» и одновременно постулирующим его бытие как бытие, отличное от говорящего лица. Таким образом, дейксис разрушает интонационную синтагму, становясь показателем объекта интенции говорящего лица и одновременно — аппозитивным знаком его абсолютного независимого существования. Этим объясняется другой важный закон грамматики активных языков, согласно которому «логический объект переходного глагола стоит грамматически на одной линии с субъектом непереходного глагола» [9; 79].

Дейктическая позиция изменяет восприятие «действия». Как предмет по закону перспективы, удаляясь от зрителя, превращается в «точку», так «действие» по мере приобретения эмоционального опыта и установления чувства обобщается в характерном «признаке действия» («внутренней форме» по А.А. Потебне), становясь атрибутом агенса и даже его «заместителем». Неслучайно А.А. Потебня считал «первобытное существительное» именем «действующего лица *poen agentis*» [10; 82]. Поэтому еще долгое время «3-е лицо» выражается либо просто именем деятеля (действия), например, с индоевропейским суффиксом *-t [11; 344], или чистой основой, как в языках активной типологии, ср., например, в языке сиу 3 л. (актив. и инак. ряд) — *o* [12; 134].

Таким образом, выражение в языке «суждения чувства» привело к разрушению интонационной синтагмы и образованию категории **агенса** и **объекта**. Агенса в отличие от объекта не требовал «внешних» показателей его принадлежности к бытию, т.к. отражался как член типичной ситуации, «чувственного» фрейма, свидетельствующий о своем бытии «действием» в каждом конкретном речевом акте. Напротив, существование объекта обуславливалось только дейксисом, т.к. объект возникал на основе инактивного фрейма, характеризовавшегося в данной конкретной ситуации фактическим «не-действием». Несмотря на «взаимобратимый» характер «двойного» лица, в объектном отражении оно отображалось дискретно: «расщепляясь» на агенса («действие») и не-агенса («не-действие»), причем активный характер «не-лица» «замещается» интенцией говорящего, выражающейся в дейксисе и обозначающей принадлежность воспринимаемому бытию. Но аппозитивный характер дейксиса показывает, что само

это отношение говорящего к действительности как бенефициара в языке еще не выражено.

Возможно, первой языковой формой, имплицитно отразившей бенефициара, явился ряд адъективно-именных предикативных сочетаний на *-e, «морфологический облик которых следует признать неясным». Одно представляется несомненным: общность идентифицирующего форманта *-e для этого ряда образований и «функциональное сходство с исторически засвидетельствованными образованиями», сыгравшими «ключевую роль в перестройке перфекта». Если учесть сложившееся мнение о перфекте как о «диатезе» [13; 28-29], то следует признать в идентифицирующем форманте аппозитивный элемент, отразивший говорящего в качестве определяемого члена. В дальнейшем языковой процесс можно выстроить в ряд взаимообусловленных языковых форм, в которых бенефициар находил все более адекватное отражение.

Прежде всего, включение предикативных образований на *-e в активную парадигму (по версии Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, в результате взаимодействия одно- и двухвалентных структур с инактивным актантом [14; 298]), приводит к приобретению агенсом свойств бенефициара. Возникшая в результате этого полная перфектная парадигма (1 л. -Ø-На; 2 л. -t^h-На; 3 л. -Ø-е, где -Ø-, -t^h- — показатели агенса) образовала первичное значение перфекта, обозначающего состояние «как следствие **каких-то** внешних причин, не обязательно предшествующего действия», ср. еще греч. *κατέκτονα* (Эсхил) значит 'я убийца, я запятнан убийством' и лишь впоследствии приобретает значение 'я убил и (поэтому) являюсь убийцей' [13; 21], [15; 142].

Первой грамматической формой, отразившей агенса как бенефициара, т.е. с «действием», принадлежащим ему как его собственный «признак» (ведь в активе первоначально агенс был только *poen agentis*), был индоевропейский медий. Древнеиндийское название медиального залога: *ātmane padam* 'слово для себя' как нельзя точнее отвечает этой функции. То, что речь идет именно о выражении **агенса и его отношении** к «признаку действия», а не о **направлении** самого действия, свидетельствует тот факт, что медиальный залог употреблялся также и для выражения активных и пассивных значений [16; 36]. Показательно и то, что образование ее «индуцируется субъектами» (человек) [13; 38], выражающими действие (основа актива), а грамматическая форма заимствуется из парадигмы перфекта, изначально отобразившего бенефициара со своим «признаком». В ходе отождествления говорящим агенса с бенефициаром происходит насаждение «оттенка воли» на перфектный признак и переосмысление «действия» в «процесс». «Особенно часто, — подчеркивает О. Семереньи, — встречается **активный перфект** (выд. авт.) наряду с *Medium tantum* (в других временных формах), например: греч. *γίγνομαι* : *γέγονα* 'рождаюсь, рожден', лат. *revertor* 'возвращаюсь': *reverti* 'вернулся' и т.д. [11; 270].

Однако отражение **процесса** медиальной формой носило в большей степени внешний, предметный характер, соответствующий предметному характеру агенса. На это, в частности, указывает факт невозможности для него позиции объекта на определенной стадии, как это имеет место в номинативно-аккузативных языках, обуславливающих ему позицию фациенса со значением обладания каузируемым признаком. Одушевленный субъект по большей части

отображался «абсолютивом» в сочетании с «семантически эквивалентной» формой предиката, т.е. как «нерезультативное» состояние, ср. в греч. *αὐτοί γε ἀπέθνησκον ὑπὸ ἰππέων* ‘Сами же умирали от (рук) всадников’, несмотря на наличие пассивных форм от глагола *κτείνω* ‘убивать’ [13; 49, 55-56, 149]. Об этом же говорит типологическое родство глаголов чувства и звукоиспускания, характеризующихся общей морфологической чертой (отсутствием о-вокализма в древнегреческих корнях) на ранних ступенях языка, ср.: *μέμνηνα* ‘быть в исступлении’ — *μέμῳκα* ‘мычать, реветь’ [13; 23].

Для отображения языковыми средствами по большей части внутреннего переживания необходимо было создать контаминированную форму, отражавшую одновременно «принадлежность к отвлеченному понятию бытия» (функция бенефициара) и активность, «оттенок воли» (функция агенса). Легче всего это сделать на базе первичной дейктической формы, отображавшей различные объектные свойства и состояния, из понятия о которых, согласно Аристотелю, естественно вытекает идея обладания [17; 55]. Именно эти образования оказывались своеобразным «лоном глагола-связки», из которого она возникала «в результате контаминации лично-предикативных предложений и предложений с глаголами состояния» «на месте морфемного шва», ср. пример из арабского языка, ср.: *(huwa) marīḏa* ‘он был болен, болел’; *(huwa) kāna marī ḏan* ‘он был болен’ [15; 144]. Выделив «глагол-связку», язык отобразил бытие субъекта как активного бенефициара, т.е. как внутренний процесс, переживание.

Вместе с тем само это переживание ставилось сознанием в прямую связь с воздействием внешней среды, в процессе которого эмоциональный субъект выступал как страдающий, испытывающий внешнее воздействие фациенс. Грамматическое значение этой позиции характеризует система перефраз, одна из которых (3) отображает его как страдающее лицо, ср.: «(3) — *делает брату стыд*». «Реальность постулируемых в анализе предложений типа (3), — пишет Ю.С. Степанов, — подтверждается существованием рус. *Ему больно; Ему руку больно*, лит. *Jam galvą* (акк.) *skauda* ‘Ему голову болит’» [13; 148]. В индоевропейском сначала эта функция не выделялась. Но постепенно аффективный фациенс (лицо или персонифицированный объект) начинает употребляться в качестве сирконстантов при двухместных глаголах, выражая, как пишут Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, «обстоятельное уточнение к глагольной синтагме с основными актантами» [14; 286-287]. Такой сирконстант (из состава ремы) выделялся как новый предмет мысли, ремой которой оказывалось результативное действие предшествующей базовой активной конструкции. Вот почему в основании большинства эмоциональных терминов «лежит переходный глагол, обозначающий извне направленное на нас действие, в конце семантической эволюции глагол обозначает лишь следствие этого воздействия, душевное переживание» [9; 40]. «Жесткая» связь переживания с инициирующим его воздействием внешней среды составляет характерную черту древнего сознания, поэтому индивидуальные потребности и мотивы не находят адекватного отображения в языке. «В литературе этого времени — писал Д.С. Лихачев, — нет характера». «Все психологические состояния — это как бы одежда, которая может быть сброшена или принята на себя» [18; 74].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колшанский Г.В. Логика и структура языка. Изд. 3-е. М.: Либроком, 2012.
2. Буряков М.А. Некоторые проблемы семантического описания эмоциональной терминологии // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 1. Серия «Филология». С. 107-114.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М.: Наука, 1972.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
6. Гухман М.М. Происхождение готского языка. М.-Л., 1940.
7. Климов Г.А. К характеристике языков активного строя // Вопросы языкознания. 1972. № 4. С. 3-13.
8. Вилюнас В. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2004.
9. Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследования. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010.
10. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968.
11. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2010.
12. Климов Г.А. Типология языков активного строя. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2009.
13. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М.: Наука 1989.
14. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 т. Тбилиси 1984.
15. Юдакин А.П. Развитие структуры предложения в связи с развитием структуры мысли. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2011.
16. Пирейко Л.А. К истории пассивных форм в иранских языках // Иранское языкознание. История, этимология, типология. М.: Наука, 1976. С. 35-44
17. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Том 2. М.: Мысль, 1978.
18. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд. М.: Наука, 1970.

REFERENCES

1. Kolshanskij, G.V. *Logika i struktura jazyka. Izd. 3-e* [Linguistic Logic and Structure. 3rd Edition]. Moscow, 2012.
2. Burjakov, M.A. Several Problems in the Semantic Description of Emotional Terminology. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2013. № 1. Philology. Pp. 107-114.
3. Vinogradov, V.V. *Russkij jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove). Izd. 2-e* [Russian Language (Grammatical Teaching About the Word). 2nd edition]. Moscow: Nauka, 1972.
4. Peshkovskij, A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii* [An Academic View of Russian Syntax]. Moscow, 2001.
5. Benvenist, Je. *Obshhaja lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, 1974.
6. Guhman, M.M. *Proishozhdenie gotskogo jazyka* [Origins of the Gothic Language]. Moscow-Leningrad, 1940.
7. Klimov, G.A. On the Characteristics of Active-type Languages. *Voprosy jazykoznanija — Questions of Linguistics*. 1972. № 4. Pp. 3-13.
8. Viljunas, V. *Psihologija jemocij* [The Psychology of Emotions]. St.-Petersburg, 2004.
9. Kacnel'son, S.D. *Istoriko-grammaticheskie issledovanija* [Historical Grammatical Research]. St.-Petersburg, 2010.

10. Potebnja, A.A. *Iz zapisok po russkoj grammatike. T. III* [From Notes on Russian Grammar. Vol. III]. Moscow, 1968.
11. Semeren'i, O. *Vvedenie v sravnitel'noe jazykoznanie. Izd. 3-e* [An Introduction to Comparative Philology. 3rd ed.]. Moscow, 2010.
12. Klimov, G.A. *Tipologija jazykov aktivnogo stroja. Izd. 2-e* [Typology of Active-type Languages. 2nd ed.]. Moscow, 2009.
13. Stepanov, Ju.S. *Indoevropskoe predlozhenie* [The Indo-European Sentence]. Moscow: Nauka, 1989.
14. Gamkrelidze, T.V., Ivanov, V.V. *Indoevropskij jazyk i indoevropejcy. Rekonstrukcija i istoriko-tipologičeskij analiz prajazyka i protokul'tury: V 2 tt.* [Indo-European Language and Indo-Europeans. Reconstruction and Historical Typological Analysis of the Protolanguage and Protoculture. Vol. 2]. Tbilisi, 1984.
15. Judakin, A.P. *Razvitie struktury predlozhenija v svjazi s razvitiem struktury mysli. Izd. 2-e* [Sentence Structure Development in Connection with Thought Structure Development. 2nd ed.]. Moscow, 2011.
16. Pirejko, L.A. On the History of Passive Forms in Iranian Languages // *Iranskoe jazykoznanie. Istorija, jetimologija, tipologija* [Iranian Linguistics. History, Etymology, Typology]. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 35-44.
17. Aristotle. *Sočinenija v 4 tt. T. 2* [Collected Works in 4 vol. Vol. 2]. Moscow, 1978.
18. Lihachev, D.S. *Čelovek v literature Drevnej Rusi. 2-e izd* [Man in the Literature of Ancient Rus. 2nd ed.]. Moscow: Nauka, 1970.

Автор публикации

Буряков Михаил Афанасьевич — пенсионер

Author of the publication

Michail A. Buryakov — pensioner